

А.В. Репников

**РУССКИЙ ОФИЦЕРСКИЙ КОРПУС
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И РЕВОЛЮЦИИ**

(рецензия на книгу: Гребенкин И.Н. Русский офицер в годы мировой войны и революции: 1914–1918 гг. : моногр. / Ряз. гос. ун-т. Рязань, 2010. 400 с.)

Представлен анализ монографии И.Н. Гребенкина «Русский офицер в годы мировой войны и революции: 1914–1918 гг.» (Рязань, 2010).

русское офицерство, армия, Первая мировая война, революция.

Приступая к анализу монографии историка И.Н. Гребенкина, недавно успешно защитившего докторскую диссертацию, не могу не затронуть те метаморфозы, которые претерпел в последнее десятилетие жанр научной рецензии. К сожалению, эти изменения отнюдь не позитивны. Одни рецензенты сухо и подробно пересказывают содержание книги, перечисляют название глав и параграфов. В других, порой достаточно ярких откликах, авторы, посвятив рецензируемой работе всего несколько строчек, далее пишут о том, что волнует их самих¹. Для таких рецензентов монография Гребенкина, не будет интересна. С одной стороны, она вполне академична и поэтому ее нельзя «прочитать по диагонали», не разбирая подробным образом ее содержание. С другой стороны, ее затруднительно использовать и как «пьедестал» для провозглашения своих собственных мыслей. Если же использовать метафоры, то книгу рязанского историка можно сравнить с весомым «камнем», который не только успешно вписался в бесконечно строящееся здание отечественной историографии, но и на котором со временем будут держаться новые исследования.

Обращаясь к монографии, нужно, с одной стороны, отметить то новое, что было сделано исследователем, а с другой стороны, обозначить темы, которые можно было бы разрабатывать в дальнейшем, отталкиваясь от уже сделанного Гребенкиным. В силу этого автор данной рецензии поставил своей целью дис-

¹ Например, философ В.М. Камнев, посвятив два абзаца позитивному отзыву об авторе рецензируемой им книги, далее на полутора страницах рассуждает об исторической миссии России и т.д. и т.п. (см.: Камнев В.М. Рецензия на книгу А.В. Репникова «Консервативные концепции переустройства России» // Берестень. Философско-культурологический альманах. Великий Новгород. 2008. № 1. С. 394–396). Если же мы обратимся к монографии самого Камнева, то могут появиться сомнения (надеюсь, беспочвенные) в подробном знакомстве автора с текстом книги, которую он рецензирует. Камнев пишет: «Нельзя согласиться с мнением А.В. Репникова, что "...консерватизм только проявил себя к середине XVIII в., а существовал он много раньше□» (Камнев В.М. Хранители и пророки. Религиозно-философское содержание русского консерватизма. СПб., 2010. С. 19). Однако в книге, на которую Камнев ссылается и на которую он ранее писал рецензию, приведенная цитата отсутствует.

танцироваться как от сугубо описательного жанра, так и от излишнего уклонения в частные вопросы.

Новизна работы заключается в том, что офицерский корпус российской армии рассматривается в ней, как социальная группа и профессиональное сообщество в условиях вызванного Первой мировой войной и революциями 1917 года социально-политического кризиса. Во введении содержится достаточно подробный анализ историографии проблемы. Автор подчеркивает, что к проблемам жизни и развития российского офицерского корпуса начала XX века впервые обратились военные публицисты, которые, являясь кадровыми офицерами, не могли обойти эту проблему вниманием (с. 4) ². Характерно, что ряд из них использовал псевдонимы (например, А.И. Деникин подписывал некоторые свои статьи как И. Ночин). В советский период деятельность высшего военного командования и представителей русского офицерства рассматривалась через призму революционных событий 1905 и 1917 годов, а офицерский корпус представлялся наиболее активной реакционной группой. В годы Великой Отечественной войны последовала определенная реабилитация понятия офицер, появились работы, в которых позитивно оценивалась деятельность А.А. Брусилова и с патриотических позиций рассматривались события Первой мировой ³. Однако и в тот период, и впоследствии «Первая мировая война в советской историографии пользовалась весьма ограниченным вниманием исследователей» (с. 6). В этой связи при всей полемичности данной книги автор монографии отмечает как заметное явление своего времени вышедшую в 1974 году работу Н.Н. Яковлева «1 августа 1914» ⁴. Конечно, статей и книг, посвященных революционному движению в армии и на флоте, выходило немало, но только в конце 1980-х появились исследования, в которых офицерский корпус времен Первой мировой рассматривался «как часть общества, которой были свойственны взгляды и настроения широких народных масс» (с. 9). Особое внимание историки (Г.З. Иоффе, В.И. Старцев, М.И. Капустин) отводили корниловскому выступлению в 1917 году.

Важной вехой стали монография А.Г. Кавтарадзе, посвященная привлечению на службу в Красную армию военных специалистов, и исследование В.Д. Поликарпова о военной контрреволюции в России. Гребенкин уделяет внимание также работам, написанным в русском зарубежье, и трудам западных историков. В целом библиографический обзор достаточно полный (вплоть до последних трудов С.В. Волкова, А.В. Ганина и др.), однако хотелось бы указать на недавно вышедшее в двух томах фундаментальное исследование В.Ж. Цветкова,

² Здесь и далее в тексте даются ссылки на страницы монографии.

³ Барсенков А.Г. Советская историческая наука в послевоенные годы (1945–1955). М., 1988 ; Бордюгов Г.А. Большевики и национальная хоругвь // Родина. 1995. № 5.

⁴ Первое издание вышло тиражом 100 000 экземпляров и в том же году тем же тиражом вышло второе издание. Третье, дополненное издание вышло в 1993 г.

которое могло бы быть использовано в работе ⁵. Отметим также желательность более подробного обзора источников исследования (особенно архивных), чем это сделано во введении.

Обращаясь в первой главе к событиям, предшествующим Первой мировой войне, автор верно пишет, что изменения, происходившие в обществе, отражались и на армии. В период развития капиталистических отношений многие молодые и предприимчивые люди предпочитали военной профессии гражданскую службу, сулившую к тому же определенные материальные выгоды. Характерны размышления о роли армии военного теоретика и историка Антуана Анри Жомини, предсказывавшего бедствия тем странам, в которых «роскошь откупщика и кошелек биржевого дельца» предпочитают мундиру воина, посвятившего жизнь обороне отечества от врагов. Это было отмечено и А.Н. Куропаткиным в докладе Николаю II. Еще в 1900 году он предупреждал, что в армию помимо людей, имеющих интерес и призвание к военной службе, идет большое количество случайных людей, не сумевших найти себе место в гражданской жизни (с. 29). Вместе с тем офицерам было присуще и традиционное чувство определенной элитарности: «Офицер – вооруженный защитник Отечества – должен был являться носителем высоких нравственных качеств» (с. 31). Корпоративная психология и кодекс чести, отделяли офицерство от общества. В ряде случаев это порождало в обществе негативное отношение к армии. Падение престижа военной службы во многом было связано и с тем, что просвещенное общество, увлеченное идеями либерализма и свободы, видело в военных заведомых «ретроградов» и подвергало их остракизму. Их часто обвиняли в реакционности, осмеивали строгую дисциплину и порядок ⁶. Однако «представлять отношения офицерства с остальной частью общества как противостояние было бы совершенно неверно» (с. 33). Да и в самой офицерской среде, несмотря на существовавшие внутренние «перегородки» и столкновение интересов, показанные автором (с. 36–37), не было каких-то непреодолимых барьеров. Как отмечает Гребенкин, накануне мировой войны офицерский корпус России «находился в процессе формирования как профессиональная группа и представлял собой скорее сословно-профессиональную корпорацию с неоднородной внутренней структурой» (с. 41–42).

Политические события также влияли на русское офицерство. Характерно, что, будучи изначально ориентированными на преданность царю и отечеству, офицеры весьма критически относились к деятельности представителей охраняемых структур империи, полагая ее предосудительной и с презрением отвергая ее методы. По воспоминаниям Б.М. Шапошникова, «по традиции офицеру, уходившему в жандармский корпус, товарищеских проводов часть не устраивала,

⁵ Цветков В.Ж.: 1) Белое дело в России. 1917–1918 гг. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М., 2008 ; 2) Белое дело в России. 1919 г. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М., 2009.

⁶ Подробнее см.: Репников А.В.: 1) Русская армия глазами консерваторов // Эхо : сб. ст. по новой и новейшей истории Отечества. М., 2000. Вып. 4. С. 9–16 ; 2) Армия глазами русских мыслителей // Край родной. 2000. №. 39. С. 7.

а затем с ним вообще прекращались всяческие отношения» (с. 45). В результате те, кто переходил в Корпус жандармов, начинали стесняться даже носить свой мундир. Однако определенное высокомерие по отношению к «Охранке» и даже определенная политическая фронда (с. 45) отходили на второй план, когда понадобилось подавить революцию 1905 года. А.С. Лукомский отмечал решительные действия армии, которая в этот период осталась лояльной и верной присяге (с. 47). Гребенкин полагает, что не последнюю роль здесь играли солдатские и матросские восстания, сопровождавшиеся насилиями над офицерами (с. 48), то есть первая революция, с одной стороны, представляла для офицерства угрозу, и оно откликнулось на эти события в массе своей однозначно негативно, с другой стороны, попытки общественно-политической организации офицерства были пробуждены именно революционными событиями.

Еще один важный факт отмечен исследователем. С 1878 по 1904 год Россия не вела масштабных боевых действий и наиболее активные офицеры находили себе применение, участвуя в войнах и военных конфликтах за рубежами отечества (с. 33, 56). Один из таких примеров – участие в Англо-бурской войне на стороне буров. Как правило, командование благосклонно относилось к этому⁷, поскольку такие офицеры получали «бесценный боевой опыт в условиях современной войны» (с. 56). В целом, как отмечает автор, политическим идеалом офицерства была «не монархия как таковая, а олицетворяемая ею сильная власть, готовая обеспечить обороноспособность страны... и непременно высокий социальный статус офицерского корпуса» (с. 57).

Обозначив социальный и политический облик офицерства накануне войны, Гребенкин обращается к той трансформации, которая происходила с 1914 по февраль 1917 год с офицерством российской армии.

Мировая война вызвала к жизни попытки философского и религиозного осмысления происходившего. Многие видные философы, в том числе принадлежащие к либеральному лагерю, пытались осмыслить происходившие события с глобальной точки зрения – противостояния сил добра и зла⁸. Особую роль иг-

⁷ Один из таких участников, генерал-майор, военный теоретик, геополитик, переводчик Вандам (Едрыхин) Алексей Ефимович, 9 октября 1899 г. обращается с рапортом: «Желаю отправиться в Южную Африку, чтобы лично следить за ходом англо-трансваальской войны, и прошу ходатайства вашего превосходительства о скорейшем зачислении меня в запас армии с предоставлением права по возвращении с театра военных действий быть зачисленным снова в свой полк с зачетом в службу времени, проведенного в отсутствии, и в отпуске за это время содержания» (Образцов И. Алексей Ефимович Вандам (Едрыхин) // Неуслышанные пророки грядущих войн : сб. М., 2004. С. 8–9. Подробнее см.: Репников А.В.: 1) Алексей Ефимович Вандам – русский геополитик // Русское время. Журнал консервативной мысли. 2010. № 1. С. 74–79 ; 2) Вандам А.Е. // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века : энциклопедия. М., 2010. С. 84–87).

⁸ Философ Н.А. Бердяев писал: «Жизнь в этом мире есть борьба... Война – одна из благородных, хотя и ужасных форм борьбы. Война – антиномична по своей природе, она есть осуществленное противоречие. Во имя жизни ведется война и служит она полноте жизни. И война сеет смерть. Цель войны – мир и объединение. Войны были могущественнейшим средством объединения человечества. Народы братались в кровавых распрях и в столкновениях... Война есть тьма и свет, ненависть и любовь, животный эгоизм и высшее самопожертвование. Война не может быть только добром или только злом, в ней есть и великое добро, и великое зло. Война – порождение

рало осмысление войны в искусстве⁹. Разумеется, что и перед русской армией война поставила огромное множество проблем. В книге подробно рассматриваются такие вопросы, как кадровая основа и пополнение офицерского корпуса, специфика войны и ее соотнесение с традиционными военными канонами, писаными и неписаными правилами. Например, Гребенкин обращает внимание на тот факт, что на потери среди офицерского состава влияли представления о месте офицера в бою, в которых «самодавляющими ценностями всегда являлись личная храбрость и личный пример» (с. 66). В результате из строя выбывал наиболее храбрый элемент, а бесстрашие, рассчитанное в том числе и на внешний эффект, иногда подменяло тактическую грамотность. Для людей с авантюрной жилкой, не имеющих средств или карьерной перспективы, война открывала новые возможности. Недавно ставшие офицерами, они, хотя и понимая свою обособленность от «старой» военной элиты, ценили свой новый статус и «видели в войне и своей принадлежности к офицерству счастливую возможность, которая позволила им порвать с прежней жизнью и занятиями» (с. 77). Беспокоил их другой вопрос: что будет с ними после войны, смогут ли они вписаться в мирное время? Читая размышления о том, как фронтовики с неуверенностью смотрели в мирное завтра, невольно вспоминаешь, как консервативный мыслитель Эрнст фон Заломон призывал современников наслаждаться войной, потому что «мир будет ужасен!»¹⁰.

Еще одна проблема, которую выявила война, это излишняя бюрократизация в войсках, подавление творческой инициативы и самостоятельности. Бюрократизация отнюдь не тождественная дисциплине, проникнув в армейскую жизнь, оплетает собой всю иерархическую военную структуру. Каждый становится простым винтиком в огромной машине, и это приводит к фатальным последствиям. В свое время Л.А. Тихомиров писал: «Войсковая канцелярщина развивается едва ли не сильнее гражданской. В этой канцелярской всепредписанности, в привычке о всем спроситься и ничего не сметь сделать по своему соображению воспитывается офицер. Не способные выдержать столь механическое существование или уходят, или затираются на низших местах. Наверх выходят только люди, успешно прошедшие горнило обезличенности...»¹¹. Тихомиров предупреждал, что в критическую минуту внешней или внутренней опасности бюрократизированное государство почти фатально обречено на крушение. «Все ждут приказаний, а начальство далеко и пока успеет отдать приказание, неприятель разбивает войско»¹². Засилье бюрократии отмечалось и самими во-

греха и искупление греха» (Бердяев Н.А. Духовные основы русской революции. Философия неравенства // Собр. соч. Париж, 1990. Т. 4. С. 517).

⁹ Лапшин В.П. Художники и война // Художественная жизнь Москвы и Петрограда в 1917 году. М., 1983. С. 34–46.

¹⁰ Похожую мысль высказывает и один из героев известного романа Дитера Нолля «Приключения Вернера Хольта» (см.: Нолль Д. Приключения Вернера Хольта. М., 2006).

¹¹ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М., 2010. С. 588.

¹² Там же.

енными, сетовавшими на то, что получившие отличную подготовку офицеры Генерального штаба занимаются чисто канцелярской работой.

В двух главах работы Гребенкина прослеживается, как крушение монархической государственности в России шло параллельно с разложением армии, когда «укрепившееся в офицерской среде мнение о слабости командования в течение короткого времени оформилось в соответствующую представленческую схему, действие которой распространялось уже в отношении начальников всех уровней» (с. 79). Осмысливая произошедшие впоследствии события, генерал А.И. Деникин заметил: «Армия в 1917 году сыграла решающую роль в судьбах России. Ее участие в ходе революции, ее жизнь, растление и гибель – должны послужить большим и предостерегающим уроком для новых строителей русской жизни»¹³. Эта трансформация описывается в книге с привлечением различных источников, в большей степени мемуарного характера. Помимо воспоминаний известных генералов, автор привлек извлеченные из личного архива и опубликованные им ранее воспоминания своего деда – солдата-фронтовика Константина Михайловича Гребенкина¹⁴. В результате читатель может в полной мере представить картину, сложившуюся накануне Февральской революции. Все острее ощущая свое отчуждение от того, что происходит в тылу, наиболее профессиональная часть офицерства, полагая себя «единственной защитницей национальных интересов, готова была противостоять не просто существующей власти, но и любой иной, не соответствующей их ожиданиям» (с. 107).

Сначала понятия «правительство» и «Родина» оказались разделенными, а потом и царь для определенной части офицерства перестал символизировать Отечество. Возникает запрос на диктатуру и диктатора (желательно – из военной среды). Какое-то время такой фигурой многим казался Николай Николаевич¹⁵. Первая мировая подводила черту под эпохой монархий, три из которых рухнули, знаменуя начало эпохи диктаторов. Именно тогда был сформирован запрос на вождя. Но реальный монарх, еще не отрекшийся от престола (!), генералами в качестве такого вождя не мыслился. Гребенкин подробно описывает, как реагировал офицерский корпус на свержение царизма. Кто-то самоустранился, а кто-то искренне приветствовал все происходившее. Еще один стиль поведения представил главнокомандующий войсками Петроградского военного округа генерал С.С. Хабалов, у которого в дни революции от волнения «дрожала нижняя челюсть» (с. 150)¹⁶. Неслучайно очевидцы событий и историки «обоснованно возлагали ответственность за поражение правительственных войск на командование Петроградским военным округом» (с. 153).

¹³ Деникин А.И. Очерки Русской смуты. М., 1991. Т. 1. С. 75.

¹⁴ «Была бы справедливость, о большем и не мечтали». Воспоминания солдата Первой мировой войны / публ. И.Н. Гребенкина // Исторический архив. 2007. С. 45–69.

¹⁵ Подробнее см.: Колоницкий Б. «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010.

¹⁶ «На генерала Хабалова жалко смотреть: “руки трясутся, равновесие, необходимое для управления в такую серьезную минуту, он утратил”» // Якобий И.П. Император Николай II и революция. М., 2005. С. 152.

На этом фоне действия оказавшегося в Петрограде в те дни А.П. Кутепова выглядят четкими. Он приказал открыть огонь, чтобы подавить бунт, причем несколько раз был на волосок от гибели (эти события подробно описаны в воспоминаниях самим генералом). Можно вспомнить Ф.А. Келлера, выразившего готовность встать на защиту монарха и монархии. Интересны и признания М.Г. Дроздовского, записавшего в марте 1917 года: «Вы положились на армию, а она не сегодня-завтра начнет разлагаться, отравленная ядом политики и безвластия. Когда я в первый раз услышал о “рабочих и солдатских депутатах”, для меня ясен стал дальнейший ход событий: история – это закон. Что я переживаю? Я никогда в жизни не был поклонником беззакония и произвола, на переворот, естественно, смотрел как на опасную и тяжелую, но неизбежную операцию. Но хирургический нож оказался грязным, смерть – неизбежной, исцеление ушло. Весь ужас в том, что у нас нет времени ждать, пред нами стоит враг с армией, скованной железной дисциплиной, нам нечего будет противопоставить его удару. Так что же я переживаю? Оборвалось и рухнуло все, чему я верил и о чем мечтал, для чего жил, все без остатка... в душе пусто. Только из чувства личной гордости, только потому, что никогда не отступал перед опасностью и не склонял перед ней головы, только поэтому остаюсь я на своем посту и останусь на нем до последнего часа. Ведь я – офицер, не могу быть трусом, несомненно, что нетрудно было бы поплыть по течению и заняться ловлей рыбки в мутной воде революции, ни одной минуты не сомневался бы в успехе, ибо слишком хорошо изучил я людскую породу и природу толпы. Но, изучивши их, я слишком привык их презирать, и мне невозможно было бы поступиться своей гордостью ради выгоды»¹⁷.

Но все это лишь отдельные примеры, которые не могли изменить ситуацию. Неслучайно в период Гражданской войны речь о возможном возвращении Николая Александровича, или Михаила Александровича Романова к власти не шла. Даже монархист В.В. Шульгин впоследствии признавал, не отрицая в принципе возможности возрождения монархии, что рядом с царем должна быть сильная личность – вождь: «Мы из тех пород, которым нужен видимый и осязаемый вожак. Ибо сей вожак, избавляя каждого отдельного русского от необходимости сноситься со своими согражданами... направляет их стремление как-то послужить единой и ценимой ими русскости – “вверх”, то есть на себя... Ибо отношение к вожаку иное: оно не отравлено неизживаемыми даже перед лицом смертельной опасности счетами... В былое время достаточно было быть Царем, чтобы вбирать в себя все лучшие токи нации... Ныне же мы живем в век фашизма. Сейчас Государь, который хотел бы выполнить служение былых времен (то есть выловить из народа все творческое, отринув разрушительное), должен быть персонально на высоте своего положения. Если же этого нет, то рядом с ним становится вождь, который, по существу, исполняет царские функции»¹⁸. Монархизм сменялся цезаризмом и таких «Цезарей» в рядах антибольшевист-

¹⁷ Дроздовский и дроздовцы. М., 2006. С. 35.

¹⁸ Шульгин В.В. «Что нам в них не нравится...»: об антисемитизме в России. СПб., 1992. С. 94–95.

ского сопротивления в период Гражданской войны будет много от Л.Г. Корнилова и А.Н. Гришина-Алмазова, до Р. Унгерна и А.И. Дутова.

Отношение к монархии, оформившееся в среде высшего офицерства в годы войны, повлекло за собой отсутствие попыток восстановления самодержавия. Речь в 1917 году, как показано в книге, шла о диктатуре человека из военной среды. В одном из параграфов рассматривается поиск антидемократической военной оппозицией человека на роль диктатора. Однако до сих пор не до конца проясненное выступление Л.Г. Корнилова не привело к военной диктатуре, а в итоге стало еще одним шагом на пути к дальнейшему разложению офицерского корпуса. Сторонники потерпевшего поражение генерала «окончательно отвернулись от Керенского, считая его своим врагом» (с. 283). Наконец, далеко не самые худшие офицеры (например, А.В. Колчак), начинают искать возможность перехода в армии союзников. Не веря Керенскому и не принимая антивоенной большевистской пропаганды, они искали выход вне службы в России.

Последняя глава логически завершает хронологию исследования событиями октября 1917 – мая 1918 года. Еще одной попыткой контрреволюционно настроенного офицерства, уже после 25 октября 1917 года, стало сплочение вокруг М.В. Алексева и его организации, о чем говорится в книге. Отметим только, что при обращении к истории создания «Алексеевской организации» было бы желательно учесть и последние работы, затрагивающие эту тему¹⁹.

Думается, что многие из тех негативных моментов, которые отмечает историк, обращаясь к взаимоотношению армии и общества, сохранились и впоследствии сыграли свою пагубную роль уже в последние годы существования СССР. Эта проблема жива и сегодня, когда значительно пошатнулось чувство патриотизма, а у определенной части молодого поколения бытует мнение: «Где хорошо, там и родина». Подобная позиция порой объясняется тем, что «государство мне ничего не дало». И действительно, может ли государство, не заботящееся о подрастающем поколении, рассчитывать вырастить людей, способных встать на защиту этого государства, а если надо, то и пожертвовать жизнью.

Завершая обзор монографии И.Н. Гребенкина, отмечу, что книга будет интересна не только специалистам по военной истории. Помимо уже высказанных по ходу рецензии пожеланий, хотелось бы привычно посоветовать на небольшой тираж (500 экземпляров) и выразить надежду, что в новом издании работа будет снабжена именным указателем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

¹⁹ Цветков В.Ж. Особенности антисоветской разведывательной работы подпольных военно-политических структур Белого движения 1917–1918 гг. // Исторические чтения на Лубянке: 1997–2008. М., 2008. С. 36–50. Из изданий, вышедших уже после монографии И.Н. Гребенкина, обратим внимание на сборник документов, в котором в том числе освещается и история создания «Алексеевской организации»: Тюремная одиссея Василия Шульгина : материалы следственного дела и дела заключенного. М., 2010.

1. Барсенков, А.Г. Советская историческая наука в послевоенные годы (1945–1955) [Текст]. – М. : Изд-во МГУ, 1988. – 139 с.
2. Бердяев, Н.А. Духовные основы русской революции. Философия неравенства [Текст] // Собр. соч. – Париж : YMCA-PRECC, 1990. – Т. 4. – 598 с.
3. Бордюгов, Г.А. Большевики и национальная хоруговь [Текст] // Родина. – 1995. – № 5. – С. 72–77.
4. «Была бы справедливость, о большем и не мечтали». Воспоминания солдата Первой мировой войны [Текст] / публ. И.Н. Гребенкина // Исторический архив. – 2007. – С. 45–69.
5. Гребенкин, И.Н. Русский офицер в годы мировой войны и революции: 1914–1918 гг. [Текст] : моногр. / РГУ им. С.А. Есенина. – Рязань, 2010. – 400 с.
6. Деникин А.И. Очерки Русской смуты [Текст]. – Т. 1. – М. : Наука, 1991. – 520 с.
7. Дроздовский и дроздовцы [Текст] / ред. и сост. Р.Г. Гагкуев. – М. : Посев, 2006. – 738 с.
8. Камнев, В.М. Рецензия на книгу А.В. Репникова «Консервативные концепции переустройства России» [Текст] // Берестень. Философско-культурологический альманах. – Великий Новгород, 2008. – № 1. – С. 394–396.
9. Камнев, В.М. Хранители и пророки. Религиозно-философское содержание русского консерватизма [Текст]. – СПб. : Наука, 2010. – 470 с.
10. Колоницкий, Б. «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны [Текст]. – М. : Новое литературное обозрение, 2010. – 664 с.
11. Лапшин, В.П. Художественная жизнь Москвы и Петрограда в 1917 году [Текст]. – М. : Советский художник, 1983. – 496 с.
12. Ноль, Д. Приключения Вернера Хольта [Текст]. – М. : Вече, 2006. – 576 с.
13. Образцов, И. Алексей Ефимович Вандам (Едрыхин) [Текст] // Неуслышанные пророки грядущих войн: сб. – М. : АСТ : Астрель, 2004. – С. 6–19.
14. Репников, А.В. Алексей Ефимович Вандам – русский геополитик [Текст] // Русское время. Журнал консервативной мысли. – 2010. – № 1. – С. 74–79.
15. Репников, А.В. Армия глазами русских мыслителей [Текст] // Край родной. – 2000. – № 39. – С. 7.
16. Репников, А.В. Русская армия глазами консерваторов [Текст] // Эхо : сб. ст. по новой и новейшей истории Отечества / Моск. пед. ун-т. – М., 2000. – Вып. 4. – С. 9–16.
17. Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века [Текст] : энциклопедия / отв. ред. В.В. Шелохаев ; отв. секретарь А.В. Репников. – М. : РОССПЭН, 2010. – 639 с.
18. Тихомиров, Л.А. Монархическая государственность [Текст] / сост., автор вступ. ст. и коммент. А.В. Репников. – М. : РОССПЭН, 2010. – 752 с.
19. Тюремная одиссея Василия Шульгина : материалы следственного дела и дела заключенного [Текст] / сост., вступ. ст. В.Г. Макарова, А.В. Репникова, В.С. Христофорова ; коммент. В.Г. Макарова, А.В. Репникова. – М. : Книжица : Русский путь, 2010. – 480 с.
20. Цветков, В.Ж. Белое дело в России. 1917–1918 гг. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России) [Текст]. – М. : Посев, 2008. – 520 с.
21. Цветков, В.Ж. Белое дело в России. 1919 г. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России) [Текст]. – М. : Посев, 2009. – 636 с.
22. Цветков, В.Ж. Особенности антисоветской разведывательной работы подпольных военно-политических структур Белого движения 1917–1918 гг. [Текст] // Исторические чтения на Лубянке: 1997–2008. – М. : Кучково поле, 2008. – С. 36–50.
23. Шульгин, В.В. «Что нам в них не нравится...»: об антисемитизме в России [Текст]. – СПб. : Хорс, 1992. – 286 с.

24. Якобий, И.П. Император Николай II и революция [Текст] / сост. С.В. Фомин ; О-во Святителя Василия Великого. – М., 2005. – 864 с.

A.V. Repnikov

**THE RUSSIAN OFFICER CORPS IN THE REVOLUTION AND WORLD WAR I
(ANALYZING THE BOOK)**

The review analyzes I.N. Grebenkin's monograph «The Russian Corps in the Revolution and World War I: 1914–1918» (Ryazan, 2010).

russian officers, army, World War I, Russian Revolution.